

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию

Пиковского Ивана Витальевича (перомонаха Иринея),
представленную на соискание ученой степени кандидата теологии по
научной специальности 5.11.1. Теоретическая теология (по
исследовательскому направлению: православие)

на тему:

**«Библейские «песни восхождений» (псалмы 119–133): происхождение и
интерпретация в греческом переводе»**

Диссертация И. В. Пиковского (перомонаха Иринея) посвящена исследованию одного из четко очерченных в Псалтири сборников библейских псалмов – так называемым «псалмам восхождений» (Пс 119–133 следуя нумерации Синодальной Библии). Этому сборнику псалмов до недавнего времени редко уделялось особое внимание не только в отечественной, но и в зарубежной научной литературе. А если он и рассматривался, то, преимущественно, в контексте экзегезы древнееврейского текста, но не греческого перевода. Сравнительный анализ двух версий псалмов сборника, древнееврейской и древнегреческой – отличительная черта новизны и актуальности исследования. Он делает работу диссертанта во многом первопреходческой.

Диссертация построена классически и разумно: она состоит из Введения, Четырех глав и Заключения, дополненных списком сокращений и библиографией. Введение логично, она содержит все необходимые компоненты, присущие диссертациям, написанным на основе историко-филологического метода анализа библейских текстов. Положения, выносимые на защиту, на наш взгляд, заслуживают особой похвалы, поскольку в настоящее время большинство диссертаций страдают тем, что вместо положений, выносимых на защиту, они содержат оценки, описания или догадки, которые невозможно подтвердить или опровергнуть. Все положения перомонаха Иринея доказываются в диссертации, и выглядят убедительно, хотя их количество можно было бы подсократить, о чем будет впоследствии еще сказано. В Четвертом положении эпитет «механический» несколько режет слух. Можно сказать, что создатели LXX переводили точно или даже иногда излишне буквалистски, но вряд ли «механически».

Прежде всего в исследовании подкупает тщательность, с которой обсуждаются практически все работы по «псалмам восхождений», отечественные и зарубежные, когда-либо выходившие в свет. В Первой главе «Исторнография» (с. 17-29), в хронологической последовательности

анализируются публикации по псалмам исследуемого сборника с характеристикой присущих им методологических аспектов. Безусловно, в историографии вопроса можно было уделить внимание не только специализированным статьям по «псалмам восхождений», но и греческой Псалтири в целом. Однако, ввиду широты проблематики Септуагинты и сродных исследований, сужение историографического поля до анализа литературы по «псалмам восхождений» представляется шагом стратегически верным. Согласимся с автором диссертации, что создаваемые в XX веке различные «толкования Псалтири» (Psalterexegese) не должны затмевать собой узкоспециализированные исследования по «толкованию псалмов» (Psalmenexegese) (с. 29).

Проведенный иеромонахом Иринеем историографический обзор показывает, что ранее объект исследования (псалмы восхождений) рассматривался под разными углами зрения: Д. Кинг и Л. Либрайх искали соответствие числу «пятнадцать», равное количеству псалмов в сборнике «псалмов восхождений», пятнадцати словам благословения Аарона (см. Числ 6:24-26), К. Кит пытался определить литургическую основу для «Псалтири паломников» (Пс 119-133) исходя из традиции ежегодного хождения евреев на праздник первых плодов в Иерусалим (см. Исх 22:29; 23:19; 34:26), К. Зайболд пытался выделить редакторские слои, которые свидетельствовали бы об адаптации паломнических песней для литургического применения при совершении храмовых богослужений, Р. Маррс проявил интерес к анализу ритмических повторов в библейских псалмах, К. Санг-Су занимался исследованием литературной, синтаксической и тематической взаимосвязи между псалмами, Д. Митчелл посвятил свою монографию реконструкции предполагаемых напевов «псалмов восхождений», основанную на исследовании синагогального псалмопения. Сравнению псалмов Септуагинты с еврейской Библией, как указывает автор диссертации, были посвящены лишь немногочисленные работы П. Сандера и Ф. Буэ. А это значит, согласимся с И. В. Пиковским, что при всей многообразности исследований псалмов в целом, особенностям греческого перевода «псалмов восхождений» было посвящено не так уж много работ, что подчеркивает важность проводимого исследования.

Вторая глава, «**Происхождение «псалмов восхождений»**» (с. 30–201), представляет собой тщательное исследование еврейской версии сборника псалмов. Здесь затрагиваются вопросы рукописной традиции и изданий текстов, надписаний, композиции каждого псалма и структуры сборника в целом, литературного и теологического единства, места «псалмов восхождений» в V части еврейской Книги Хвалений.

Безусловно, привычным для любого читателя псалмов является первостепенное обращение к заголовку, а затем уже погружение в сам текст. Обратный порядок исследования псалмов, от текста к заголовку, полностью оправдан, на наш взгляд, поскольку исторически надписания появились позже составления текстов поэтических произведений (с. 153–160), а порой и под их влиянием. Это можно сказать, например, о заголовке 126 псалма, в котором атрибуция לְשֹׁלֹמֹה «Соломону», по мнению диссертанта и той литературы, на которую он ссылается, появилась под влиянием интерпретации соответствующей лексики псалма: слово בַּיִת «дом» (ст. 1) было понято автором надписания как указание на «дом царя» (см. Иер 52:13) или на «дом Божий» (см. Исх 23:19), а слово יְדִיד «возлюбленный» (ст. 2) воспринято как указание на יְדִידָא «возлюбленного» Господом Соломона (2 Цар 12:25) (с. 96-97). Это исключительно интересная мысль! Подобный подход позволяет диссертанту, с одной стороны, продемонстрировать устойчивость заголовка לְשֹׁלֹמֹה הַמְּעֻלֹת в рукописной традиции и, как следствие, прийти к выводу о том, что сборник «песней восхождений» консолидировался раньше включения его в V часть еврейской Книги Псалмов, с другой стороны, наметить перспективу для дальнейшего исследования процесса прибавления надписаний «Давиду» и распространенных заголовков, связывающих псалмы с событиями из жизни избранного Богом царя-пророка (см. Пс 25, 95, 141, 142), в греческой Псалтири. Как отмечает автор диссертации дальше, в главе 3.4 своего исследования (с. 393-401), в отличие от остальной Псалтири, имя Давида в заголовках греческих «псалмов восхождений» появляется реже (Пс 130 и 132), чем в масоретском тексте (Пс 121, 123, 130, 132). Тонкие отличия между сборником «псалмов восхождений» и остальной частью Псалтири, согласно мнению И. В. Пиковского, подтверждают высказанное в литературе XX века мнение о том, что «псалмы восхождений» бытовали как своего рода «Псалтирь паломников» до включения сборника в храмовую «Книгу Хвалений» (см. примечание 464 на с. 158).

Диссертант тщательно исследует тексты Кумрана, Таргум на Псалмы, приводит цитаты из талмудических трактатов, обращается не только к христианским, но и к классическим иудейским комментариям на Книгу Псалмов (Раши, Авраам ибн Эзра, Давид Кимхи). Обращение к рукописной традиции позволяет ему продемонстрировать, что масоретский текст «псалмов восхождений» чаще сближается с их древнегреческой версией, чем с текстом рукописи 11QPs^a (с. 196). Более того, в некоторых случаях Септуагинта помогает в прояснении редких лексем масоретского текста, как, например, в случае перевода неоднозначного выражения יִקְדוּ הַבְּרָה־לָהּ — «прочно соединенный вместе» (Пс 121:3), которое может говорить как о плотной застройке города, так и о связанности воедино членов храмовой общины.

В целом можно сказать, что во Второй главе перомонах Ириной (Пиковский) при анализе материалов еврейской рукописной традиции демонстрирует не просто владение необходимым исследовательским инструментарием, но высочайший уровень профессионализма и трудолюбия.

Третья глава, «Перевод на греческий язык» (с. 202–405), равно как и предыдущая, представляет собой завершённое исследование, которое отличается глубиной и широтой.

Детальный анализ текста каждого псалма здесь, как и в предыдущей главе, предваряется анализом рукописной традиции и изданий текстов древнегреческих псалмов. Хотя местами, обозначенные в главе 3.1, рассуждения слишком часто апеллируют к мнениям иных исследователей, шепетильность разбора их мнений позволяет сделать вывод, что автор диссертации полностью вник в аргументацию «за» и «против» египетского происхождения греческой Псалтири (с. 204–208). Остается только недоумевать, почему вслед за последовательной защитой своей позиции он идет на попятную и начинает делать избыточные оговорки о том, что «однозначного решения вопроса о месте перевода Псалтири в пользу Египта или Палестины в современной науке нет» (с. 208). То же самое можно сказать и о датировке перевода: сначала он пишет, что «в отношении датировки перевода имеются две точки зрения: 1) перевод был осуществлен до конца II в. до н. э.; 2) Псалтирь переводилась в течение I в. до н. э.» (с. 195), затем он указывает, что «в отношении датировки перевода нет однозначного мнения» (с. 209). Многочисленные ссылки на литературу и личные осторожные замечания позволяют сделать вывод, что сам диссертант склоняется к тому, чтобы датировать перевод Псалтири на греческий язык серединой-концом II в. до н. э., а местом его создания считать Египет (с. 196, 455). Однако выводы эти обозначены не ярко, но робко. Создается впечатление, что, представляя пред своими глазами костер Инквизиции, он боится допустить малейшую ошибку даже там, где количество и качество изученных аргументов могут позволить большую решительность и конкретность.

Кропотливое исследование каждого псалма в параграфе 3.2 «Анализ древнегреческого текста «псалмов восхождений»» (с. 229–387) – центральная и наиболее объемная часть диссертации. Автор не ограничивается критическим аппаратом Гёттингенской Септуагинты Ральфа–Ханхарта (2006), но заглядывает в каждую доступную ему рукопись Псалтири отдельно, и, что важно, привлекает сведения из Гексапл Оригена и цитаты из Священного Писания, представленные в сочинениях отцов Церкви. При первом прочтении диссертации складывается впечатление, что нагромождение чтений из различных рукописей размывает основную задачу исследования, а именно – *выявление теологической компоненты при*

переводе псалмов с древнееврейского языка на древнегреческий. Однако, погружение в текст исследования показывает, что из всего многообразия рукописей нельзя выделить одну единственную, которая можно было бы считать эталоном. И, следовательно, прежде чем довериться полностью тем изданиям текста Псалтири, которые реконструируют (порой, искусственно) гипотетический текст Писания, требуется провести анализ того рукописного плюрализма, который долгое время бытовал в греко-латинской традициях, пока они не прошли стадии своего рода стандартизации в выработке так называемого «Византийского» типа текста или приобретения Галликанской Псалтирю доминирующей позиции на латинском Западе. Прделанная диссертантом кропотливая работа с рукописями заслуживает, на наш взгляд, самой высшей похвалы!

В качестве иллюстрации его метода анализа древнегреческого перевода «псалмов восхождений» приведем в сокращении рассуждения перомонаха Иринея (Пиковского) о Пс 120:8. Речь в нем идет о том, что κύριος φυλάξει τὴν εἴσοδόν σου καὶ τὴν ἔξοδόν σου ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ ἕως τοῦ αἰῶνος «Господь будет хранить *вход твой* и *выход твой* отныне и вовек». В масоретском тексте 8 стиха глаголы имеют такую последовательность: сначала «*выхождение*, движение изнутри наружу» (נצו), а затем «*вхождение*, приход» (בוו). То же самое, как отмечает автор диссертации, наблюдается и у Аквилы, который указывает сначала на «*выхождение*, отшествие» (ἔξοδος) человека, а затем на «*вход*, вступление» (εἴσοδος). У Симмаха 8 стих имеет вид: κύριος φυλάξει τὴν προέλευσίν σου καὶ τὴν εἴσοδόν σου «Господь сохранит *выхождение* твое и *вхождение* твое». Такую же последовательность слов «*выход*» (exitus) и «*вход*» (introitus), как отмечает отец Иринея, мы находим в версии перевода блаженного Иеронима iuxta Hebraicum. В греческих переводах Семидесяти и у Феодотиона ключевые слова «*выход*» и «*вход*» по сравнению с масоретским текстом меняются местами: сначала εἴσοδος «*вход*», а затем ἔξοδος «*выход*»: κύριος φυλάξει τὴν εἴσοδόν σου καὶ τὴν ἔξοδόν σου — «Господь сохранит *вход твой* и *выход твой*». Такую же последовательность слов introitus «*вход*» и exitus «*выход*» можно встретить в латинских переводах, зависящих от Септуагинты (Ga, RO и др.), а также у большинства раннехристианских толкователей (Кирилл Иерусалимский, Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский, Исихий Иерусалимский, Августин Иппонский). Те же из отцов, кто приводит слова о «*входе* и *выходе*» в обратном порядке (Евсевий Кесарийский, Дидим Александрийский, Иларий Пиктавийский), не придают значения отмеченной разнице в выражениях. Поскольку в четырех других случаях, где встречается пара слов εἴσοδος и ἔξοδος, Септуагинта сохраняет сходный с масоретским текстом порядок слов «*выход*... *вход*» (см. 1 Цар 29:6; 2 Пар 16:1; Ис 37:28; Иез 43:11), следовательно, как считает диссертант, нет оснований предполагать, что

Vorlage LXX отличался от МТ. Предложенный в 120 псалме интерпретирующий перевод демонстрирует сближение с описанием благословений в конце книги Второзаконие, где $\text{כְּבָרְךָ} \dots \text{תִּצְצֶנּוּ}$ переводится как $\epsilon\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \epsilon\iota\sigma\lambda\omicron\rho\epsilon\upsilon\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \sigma\epsilon\dots \epsilon\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \epsilon\kappa\lambda\omicron\rho\epsilon\upsilon\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \sigma\epsilon$ — «когда ты *входишь*... когда ты *выходишь*» (Втор 28:6). Поскольку, несмотря на близость оборотов речи, контексты Второзакония и 120 псалма – разные, следовательно, по мнению отца Иринея «мотив интерпретационного перевода LXX остается неясным» (с. 253). Далее он указывает, что «Краус считает, что перестановку слов в Септуагинте «вход и выход» вряд ли можно считать попыткой сблизить текст псалма с устойчивой метафорой, как это ранее предполагал святитель Иоанн Златоуст. Скорее, как утверждает Краус, высказывание служит заключительным благословением, которое относится к «приходу и уходу» в какое-то место, в дом/из дома, имея всеобъемлющий эффект, что позволяет «вход и выход» относить к паломничеству в Иерусалим и уходу из него» (с. 253).

Этот пример демонстрирует, что выявление специфичной для Септуагинты техники перевода невозможно без соответствующего сравнительного «фона», которым в данном случае служат альтернативные переводы-ревизии (Аквила, Симмаха и Феодотиона). Приведенные о. Иринеем в несметном количестве цитаты из ревизий показывают, как тот или иной автор альтернативного Септуагинте перевода пытался «уточнить» текст, постепенно сближая его с протомасоретской традицией. Диссертант убедительно доказывает, что в случае Пс 120:8 налицо различия между масоретским текстом и Септуагинтой, которые обусловлены техникой перевода. Однако, он ничего не пишет о предполагаемых теологических мотивах соответствующей перестановки слов «выход» и «вход», что позволяет ему доказательно утверждать, что *интерпретирующие последствия у перевода Семидесяти есть, но они не продиктованы преднамеренным желанием переводчика как-либо адаптировать перевод под реципиентов из среды греко-говорящих иудеев*. К такому заключению автор диссертации подходит в параграфе 3.5 «Выводы по третьей главе»: «Древнейший греческий перевод Псалтири, по всей видимости, не предполагал формирование теологии, отличной от еврейской Библии. Теология перевода изначально должна была соответствовать представлениям иудеев эпохи Второго Храма вне зависимости от места их проживания» (с. 404). С такими выводами мы не можем не согласиться. Систематизация наблюдений в отношении того, чем методология «свободного перевода» LXX отличается от «буквализма» Аквила и иных ревизий приводится в параграфе 4.1 Четвертой главы: «Септуагинта и другие переводы-ревизии» (с. 406–409).

Особого внимания заслуживают те примеры, когда в огромном массиве рукописных данных автору диссертации выявляет удаётся найти те случаи, где на рукописную традицию начинает оказывать влияние герменевтическая. В этом ключе очень важны и интересны наблюдения о том, как употребленное в Пс 131:8 слово *ἁγίασμα* «святыня» в христианской литературе постепенно стало применяться к Божией Матери (с. 363–367). Интерпретация, рожденная в экзегетической литературе, как показывает Пиковский И. В., впоследствии могла по случайности быть инкорпорированной в текст Священного Писания. Так, в рукописи, указанной Холмсом под номером 281, вместо фразы *σὺ καὶ ἡ κιβωτός* — «ты и ковчег [святыни твоей]» (Пс 131:8) диссертант находит выражение *σὺ καὶ ἡ Θεοτόκος* — «ты и Богородица [святыни твоей]», а вместо *ἐξέλεξάτο κύριος τὴν Σιών* — «избрал Господь Сион» (ст. 13) слова *ἐξέλεξάτο κύριος τὴν Θεοτόκον* — «избрал Господь Богородицу». В издании Холмса–Парсонса указывается, что рукопись 281 датируется XI веком, а многочисленные записи на полях появлялись как в XI веке, так и в XV веке. Видимо, как метко отмечает диссертантом, изначально слово *Θεοτόκος* было записано на полях рукописи, но затем кто-то на место слов «кивот» и «Сион» поставил слово «Богородица» в основной библейский текст. Мы видим, что, с одной стороны, лексика Септуагинты открывала возможности для аллегорической интерпретации библейского текста, с другой стороны, как экзегетическая традиция могла влиять на рукописную в передаче текста самого Священного Писания. При помощи глоссы «Богородица» и подобных примеров перомонах Иринеи, на наш взгляд, убедительно доказывает это!

Четвертая глава, «Техника перевода «псалмов восхождений» на греческий язык» (с. 406–453), систематизирует произведенные ранее наблюдения, дополняя их рассуждениями о том, каковы могли быть причины количественных и качественных редакторских изменений, в чем, собственно, проявляется верность древнегреческого перевода еврейскому источнику и почему теологические смещения в греческих псалмах следует отнести к «кажущимся», а не «реальным». С учетом подробно разобранных во 2 и 3 главах диссертации еврейской и греческой версий «псалмов восхождений» автор исследования, по сути дела, приходит к тем же методологическим выводам, которые в свое время сформулировал Михаил Селезнев в программной статье «В поисках “теологии Септуагинты”: методологические аспекты» (2016).

Вывод, сделанный в Заключение диссертации, представляется нам чрезвычайно важным и верным: «анализ теологии Септуагинты на примере псалмов предполагает, что речь идет не столько о разных представлениях о Творце неба и земли, формируемых еврейской и греческой Библиями, сколько о мировоззренческих смещениях, которые наблюдаются в

Септуагинте в целом как переводном тексте, созданном учеными переводчиками, которые не следовали единой типовой методологии» (с. 457). Согласимся заключением отца Иринея, что перед переводчиком Псалтири проблема «двух теологий» (еврейской и греческой Библии) не стояла. Обладая большой внутренней свободой, он не ставил перед собой задачи создать «буквальный» перевод, а делал теологически «точный» перевод, опираясь на понимание текста своего религиозно-культурного окружения. Переводчик не стремился привнести в текст свою интерпретацию (идеологическую или теологическую), но заботился о точных лексических соответствиях, опираясь, в том числе, на систему стандартных эквивалентов, которая стала складываться при переводе Пятикнижия и других книг, переведенных на греческий ранее Псалтири. При этом, как совершенно точно отмечает иеромонах Иринея (Пиковский), «переводчик псалмов LXX допускал определенную гибкость в отношении стиля и структуры изложения материала. Он пользовался лингвистическими инструментами как умел, опираясь на интуицию и предшествующие переводы» (с. 455). *Техника перевода показывает, что основная разница между масоретским текстом и версиями лежит в плоскости лингвистики и переводческих предпочтений. Экзегетические вставки минимальны, вряд ли они существенно влияли на передачу библейского послания для грекоговорящих иудеев эпохи Второго Храма.*

Разумеется, как всякий человеческий труд, диссертация И. В. Пиковского несвободна от недостатков.

Это касается и первого положения, выносимого на защиту. Здесь постулируется, что «греческая версия данной группы псалмов исследована не до конца обстоятельно» (стр. 11). С этим трудно не согласиться. Автор диссертации подает «собранные и проанализированные библиографические сведения» о «псалмах восхождений» (Пс 119–133) как отдельное положение на защиту. Однако, здесь, скорее, речь идет о преддверии научного исследования, чем о каком-то оригинальном положении, выносимом на защиту. Выполненный со всей тщательностью историографический обзор в выбранном исследовательском поле является не результатом, но хорошей предпосылкой, открывающей путь к дальнейшему погружению в сакральные тексты.

Сравнительное изучение текста диссертации и автореферата показывает, что в некоторых случаях эти два сочинения непропорционально уделяют внимание отдельным вопросам. Например, при рассмотрении проблемы «техники перевода» автореферат передает значительную часть аргументов из диссертации, а вот в вопросе о том, были ли «псалмы восхождений» изначально отдельным сборником или сборник появился на каком-то этапе

редактирования «канонической» Псалтири – об этом в автореферате говорится лишь тезисно. В диссертации приведены настолько обильные ссылки на многочисленную литературу (глава 2.2 диссертации, с. 185–196) что складывается впечатление, что автор диссертационного исследования предпочитает опираться в доказательстве выдвинутой гипотезы о бытовании сборника «Паломнической Псалтири» как отдельного произведения не на достаточное количество источников и собственные выводы, но на то, что кажется ему наиболее убедительным из изученной литературы.

В некоторых случаях можно подвергнуть сомнению обоснования того или иного варианта русского перевода псалмов, которые кажутся несколько расплывчатыми. Приведем характерный пример. Масоретский текст Пс 119:3 гласит: מֵה־יָתֵן לְךָ וּמֵה־יִסְיֶיךָ לְךָ לְשׁוֹן רָמְיָהּ. Предваряя рассмотрение еврейского текста 119 псалма, диссертант предлагает следующий перевод фразы: «Что даст тебе и что прибавит тебе, о коварный язык?» (с. 36, 233). При таком переводе под субъектом глагола יָתֵן подразумевается Господь, выражение «лукавый язык» считается обращением к подразумеваемому оппоненту (вокатив). Далее он указывает, что в Синодальном переводе – «Что даст тебе и что прибавит тебе язык лукавый?» (ст. 3) – выражение «лукавый язык» выполняет функцию подлежащего, выступающего в роли субъекта глагола יָתֵן. В пользу своей точки зрения диссертант приводит ссылку на «большинство комментаторов» (Р. Мейне и др.), а также отмечает, что хотя слово לְשׁוֹן «язык» женского рода, обращение לְךָ «тебе» в 3 стихе принимает форму мужского рода (с. 38). Однако, в некоторых случаях לְשׁוֹן может рассматриваться как слово мужского рода (см. Нав 7:21). Родовая принадлежность здесь, видимо не причём. Скорее всего, в псалме просто обыгрывается форма клятвы в том смысле, что «лукавый язык» должен знать, что именно Бог может с ним сделать за его коварство (ср. Ос 9:14 и Иов 35:7, где также встречается конструкция מֵה־תִּתֵּן, но нет формы клятвы).

Также, следует отметить и некоторые неточности, связанные, по-видимому, с опечатками при цитировании источников на древних языках. Например, цитата из Быт 32:4 (с. 39) написана без слабого дагеша – עַם-לָבֶן, а должно быть – עַם-לָבֶן גְּרָתִי; фраза из Пс 34:20 (с. 41) приведена в форме כִּי לֹא שְׁלוֹם יִדְבְּרוּ, а должно быть — כִּי לֹא שְׁלוֹם יִדְבְּרוּ.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования и могут быть исправлены при подготовке его к печати. Кстати, мы настойчиво рекомендуем диссертацию отца Иринея к печати. Автор диссертационного исследования глубоко вовлечен в свою тему, им было опубликовано не менее девяти статей в рецензируемых изданиях ВАК, восемь статей в журналах или сборниках статей РИНЦ, в соавторстве с переем Назарием Эйвазовым издана монография «Псалтирь: Книга жизни.

иереем Назарием Эйвазовым издана монография «Псалтирь: Книга жизни. Комментарий к тексту Синодальной Библии» (2023). Автор диссертации демонстрирует уверенное владение древними языками, а библиография к работе производит наилучшее впечатление своей исчерпывающей полной – 315 наименований. Автореферат соответствует тексту диссертации, отражая ее основные положения.

Диссертация «Библейские «Песни восхождений» (псалмы 119–133): происхождение и интерпретация в греческом переводе» представляет собой самостоятельную зрелую научную работу, она выполнена на очень высоком научном уровне, обладает несомненной актуальностью и новизной, а **потому полностью соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в текущей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор, Пиковский Иван Витальевич (иеромонах Ириней), заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата теологии по научной специальности 5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие).**

Официальный оппонент

доктор культурологии,

профессор Учебно-научного Центра Изучения Религий

Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Шмаина-Великанова Анна Ильинична

18.03.2025

Подпись Шмаина-Великанова Анна Ильинична
Заместитель директора Департамента по управлению персоналом и социальным вопросам

Контактные данные:

тел. : +7 (916) 095-19-41, e-mail: anna.shmaina@gmail.com

125040, г. Москва, ул. Скаковая д. 7/21А, кв. 15

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

24.00.01 — Теория и история культуры

Адрес места работы:

125993, г. Москва-ГСП 3, Мигусская пл., д. 6, корп. 5, 11 этаж, каб. 1123

тел. : +7 (495) 250-63-40, e-mail: religion.rggu@gmail.com